

УДК: 811.512.36
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-216-219

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БУРЯТ НА СТАРОМОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

© **Бадмаева Лариса Батоевна**

доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
lorabadm@mail.ru

Статья раскрывает письменное наследие бурят на монгольском письме — летописных памятниках XIX в., в которых отражена дореволюционная история Бурятии: система управления, расселение, распространение буддийской религии, образ жизни, образование, здравоохранение и т. д.

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык, бурятские летописи, письменное наследие бурят, памятники письменной культуры бурят.

LITERARY HERITAGE OF THE BURYATS IN THE OLD MONGOLIAN SCRIPT

Larisa B. Badmaeva

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia
lorabadm@mail.ru

The article is devoted to the written heritage of the Buryats in the Mongolian script — annals of the 19th century, which reflect the pre-revolutionary history of Buryatia: the management system, resettlement, spreading the Buddhist religion, lifestyle, education, healthcare, etc.

Keywords: Old Mongolian script, buryat annals, written heritage of the Buryats, the monuments of the written culture of the Buryats.

На протяжении столетий, начиная с XVII в. (возможно, еще раньше), буряты пользовались вертикальным старомонгольским письмом. В каждом улусе были люди, владевшие монгольской письменностью, обслуживающей все сферы национальной жизни бурятского общества — публицистику, художественную литературу, государственное управление, делопроизводство, школьно-издательское дело, потребности агитации, пропаганды и просвещения. Литературное наследие на старописьменном монгольском языке — это все исторические, дидактические, медицинские, филологические, лексикографические, юридические, буддийские сочинения, дошедшие до наших дней в уникальных рукописях.

К наиболее известным и популярным хроникам следует отнести «Предание о Бальжин-хатун» (1760–1770), «Историю агинских бурят», написанную в 1863 г. главным тайшой агинских бурят Тугултуром Тобоевым [Летописи, 1935а]. В тексте летописи прослеживаются такие сюжеты: древнейший период; хори-буряты – подданные солонгутского Бубэй-Бэйлэ-хана; сказание о Бальжин-хатуне переселение хори-бурят в Забайкалье; столкновения с тунгусами и русскими казаками; обращение хоринских бурят к Петру I; установление российско-китайской границы; введение института тайшинства; начало земледелия; здравоохранение, начало оспопрививания; описание шаманских об-

рядов; распространение буддизма и первые бурятские ламы; строительство буддийских монастырей; степные думы и управление хори-бурят [Бадмаева, 2012 а, с. 23].

В «Летописях селенгинских бурят», созданных в 1868 г. главным тайшой селенгинских бурят Дамби-Джалцан Ломбоцэрэновым [Летописи, 1936], показано, в каких условиях происходило миграционное движение монгольских племен из Монголии в Забайкалье. Автор пишет о том, что в 1366 г. был изгнан из Китая последний монгольский император Тогон-Тэмур, в результате чего Монголия распалась на ряд отдельных мелких княжеств [Бадмаева, 2012а, с. 32]. Разрушительные междоусобные войны между мелкими князьками привели их к последующей зависимости от Цинской династии Китая. Переселение монгольских народов длилось в течение 100 лет. В их числе упоминаются разные монгольские племена и роды: *атаган, абаганут, абагат, абгачул, батад-хатагин, кириткэригут, онгут, орлут, харидол, загул, узон, сонгол, хорчин, хутухто-юнишин, хурлат, белые и черные тайшинарты, урянхай, одонгуй, шарайт* ... [Шагдаров, Бадмаева, 2014, с. 186]. Далее летописец повествует о завоевании русскими казаками Сибири с 1620-х гг., об установлении русско-маньчжурской границы в 1727–1728 гг., о распространении буддизма, и формировании забайкальского казачьего войска, куда были включены 2400 молодых людей из 16 селенгинских родов, об образовании Селенгинской степной думы. В настоящее время это название отражено в топонимике Бурятии как ойконим Селендума.

«Летописи хоринских бурят» [1935а; 1940] написаны в 1875 г. главой цаганского рода, шуленгой Ванданом Юмсуновым. Эту летопись можно назвать самой большой по объему и наиболее обстоятельной из всех бурятских летописей. В хронике В. Юмсунова, состоящей из 12 озаглавленных разделов, прослеживается история хоринцев, начиная с ранних времен до второй половины XIX в. В летописи представлена история распространения буддизма в Монголии и Бурятии, дается детальное описание верований и обрядов шаманства, подробно говорится об административном устройстве и управлении хоринцев; приводятся данные о главных хоринских тайшах и их помощниках; о грамоте Петра I от 22 марта 1703 г. и о всех последующих указах и предписаниях русских царей, по которым за хоринскими родами были закреплены земли от Байкала до монгольских границ; сообщаются сведения о правах бурят на земли от Байкала до монгольских границ; на основании грамоты Петра I от 22 марта 1703 г., и ряда последующих указов и предписаний, о развитии хозяйства у хоринских бурят, несении службы в пользу империи, об отделении агинских бурят и т. д. [Бадмаева, 2012а, с. 24]. В летописи Вандана Юмсунова особенно широко использованы деловые и летописные документы, устные легенды и предания бурят. Все это придает летописи характер научного очерка.

В «Летописи хоринских бурят» [1935б], составленной в 1887 г. помощником главного тайши хоринских бурят, зайсаном галзутского рода Шираб-Нимбо Хобитуевым, события располагаются в хронологической последовательности. Летописец сообщает, что «знаменитая гора Бурхан-Халдун (Бурхан-Галдан), описываемая в «Сокровенном сказании монголов», является баргузинской горой Барагхан (Бархан), и будто бы у этой горы жил первопродок монгольских ханов и протобурят Буртэ-Чино.

Также интересны летописи, написанные тайшой баргузинских бурят Цэдэн-Жапом Сахаровым, — «История перекочевки в Баргузин в 1740 г. бурят с севера Байкала», «Летопись баргузинских бурят» [Востриков, Поппе, 1935]. В первой летописи описано, как в 1740 г. из урочища Анга Иркутской губернии перекочевали семь семейств во главе с Андреем Шибшеевым. Подробно описаны их столкновения с эвенками, упоминаются *абакорчины или солон-баргуты*, ушедшие во Внутреннюю Монголию Китая. В 1875 г. главным тайшой был выбран Цырен-Жаб Сахаров. Тайша Цырен-Жаб Сахаров возбудил ходатайство о строительстве нового дацана в 1876 г. Лишь в 1880 г. была получена санкция на его строительство. По летописным данным, в 1879 г. Цырен-Жаб Сахаров через переписку с Найданом Гомбоевым (мужем дочери декабриста Н. Бестужева, рожденной от

селенгинской бурятки, воспитанной купцом Д. Старцевым. — Л. Б.), который долгие годы возглавлял почтово-телеграфную контору русского посольства в Китае, приобрел для Баргузинского дацана «Данжур».

Следует заметить, что бурятские летописцы были образованнейшими людьми своего времени, незаурядными представителями дореволюционной знати. Например, Тугултур Тобоев, находившийся более 60 лет на государственной службе, остался в памяти народа как один из уважаемых и авторитетных предводителей хоринских бурят. К нему за советом и помощью обращались не только буряты, но и казаки, русские поселенцы. Дамби-Джалцан Ломбоцэрэнов и Вандан Юмсунов, будучи предводителями бурятских родов, вели широкую просветительскую и литературную деятельность. Вандан Юмсунов окончил английскую миссионерскую школу, открытую в Кудуне англичанами Сарой и Эдвардом Сталлибрасс [Bawden, 1982]. Сразу после школы он был определен писарем Хоринской степной думы, занимался литературной деятельностью. Им написаны «Воспоминания о радостном часе пребывания принца Алексея Александровича Романова, 3-го сына императора Александра II, в Забайкалье в 1873 г.» [*Tede ayui yeke ...*, рукопись].

Старомонгольская письменность в силу своего наддиалектного характера долгое время была общемонгольским литературным письмом, понятным носителям разных монгольских диалектов. А в настоящее время им активно пользуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая. Академик Б. Владимирцов писал о монгольских письменных наречиях [1929, с. 28]: «Распространившись среди монгольских племен, говорящих на разных наречиях и диалектах, монгольский письменный язык начал до известной степени ассимилироваться с этими говорами. Влияние народной речи стало обнаруживаться и на правописании, потому что оно стало отражать фонетические особенности диалектов, и на морфологии, тоже менявшейся под влиянием заимствований из народных говоров, и на словаре. Классические нормы, нашедшие отражение главным образом в печатных изданиях, ничего не могли поделать со стихийным движением: письменный язык, начав шире обслуживать жизненные потребности монголов, стал приближаться к живому народному языку».

После установления советской власти у бурят дважды менялась основа литературного языка, внедрялись разные алфавиты (латиница, кириллица). В 1931 г. здесь перешли на латинский алфавит, в 1939 г. — на кириллицу. До 1936 г. газеты, делопроизводство частично печатались на старописьменном монгольском языке, выполнявшем функцию книжно-письменного языка. В дальнейшем русская графическая основа бурятского языка постепенно вытеснила старомонгольскую вертикальную графику, которая в 30-е гг. XX в. объявлена «архаичной феодально-теократической», «вредной, ламской, антинародной письменностью, оружием панмонголистов». Только за хранение и чтение книг на старомонгольской письменности людей объявляли «врагами народа, панмонголистами» и бросали в застенки. Например, по воспоминаниям моей мамы Ц. Б. Бальжинимаевой, ее учитель был арестован прямо в классе только за то, что читал книгу «Хүхэ Монголой хүхэ туг» на монгольском письме.

В советскую эпоху было общепринято считать, что старописьменный монгольский язык, которым пользовались буряты до революции, был, прежде всего, «языком религиозных, буддийско-философских, исторических, грамматических сочинений и делопроизводства», т. е. всего того, что сейчас мы называем культурным наследием. Как пишет ученый-монголовед Л. Д. Шагдаров, «из-за того, что напрочь был отброшен в свое время старомонгольский язык, культурное наследие, созданное на нем бурятами и другими монгольскими народами, стало для бурятского народа «книгой за семью печатями» [Шагдаров, 1989, с. 186]. И нам представляется, что смена типов визуальной коммуникации привела к утрате доступа к уникальным памятникам письменной культуры бурят.

Литературные памятники бурят на старомонгольской письменности и их авторы в советское время были преданы забвению, отодвинуты на задний план, многие из них были варварски уничтожены. Сейчас нет точных сведений о количестве бурятских летописей и их авторах, т. к. рукописи хранятся в разных городах России, Монголии, Китая, а также в частных коллекциях. В настоящее время выявлено и изучено около 40 больших и малых бурятских летописей, из них опубликованы на современном бурятском языке 21 хроника, на русском языке — 14 летописей, на английском языке — 1 хроника, на старописьменном монгольском языке — 10 летописей. Изданные бурятские хроники составляют лишь некоторую часть летописного наследия бурят, большая их часть все еще остается в рукописях.

Культура любого народа основана на памяти. Без знания прошлого невозможно понять настоящее. Забвение исторической памяти особенно пагубно для подрастающего поколения. Полагаем, что для формирования у молодежи таких категорий, как патриотизм, национальная гордость, национальное самосознание, необходимо осознание и понимание, прежде всего, значимости собственной культуры, т. к. это способствует более глубокому восприятию культуры, истории других этносов, воспитывает чувство уважения к культуре другого народа [Бадмаева, 2007, с. 4].

Таким образом, бурятские летописи, являясь текстами оригинального жанра письменного наследия бурят, содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории и заслуживают специального внимания историков, культурологов, филологов. Литературные памятники как феномены трансцендентной культуры обладают способностью к возрождению после долгих периодов забвения. Пребывая до поры до времени в тени, письменный памятник под веянием нового мышления вновь обретает актуальность, чтобы выполнить свою историческую миссию — быть свидетелем эпохи, социальным документом, исторической памятью народа.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.
2. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.; Л., 1929. 438 с.
3. Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летописи баргузинских бурят. Вып. 1. Тексты и исследования. Труды Института востоковедения. Т. VIII. М.; Л., 1935. 75 с. (ЛББ).
4. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаша Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова (1868 г.) Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. XII. М.; Л., 1936. 55 с. (ЛСБ).
5. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. IX. М.; Л., 1935а. 172 с. (ЛХБ).
6. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Текст издал В. А. Казакевич // Труды Института востоковедения. IX. М.; Л., 1935б. 125 с. (ЛХБ-1).
7. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. XXXIII. М.; Л., 1940. 108 с. (ЛХБ).
8. Шагдаров Л. Д. Г. Ц. Цыбиков об использовании старомонгольского языка в качестве литературного языка бурят // Цыбиковские чтения: тез. докл. и сообщений. Улан-Удэ, 1989. С. 183–187.
9. Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцэрэнова (исследование, текст, транслитерация, перевод, переложение). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.
10. Bawden Charles R. English Mission Schools among the Buryats, 1822–1840 // Zentralasiatische studien. V. 16. Wiesbaden, 1982.
11. Tede ayui yeke degedü ejen imperatur edüge amuyulang-iyar ayiladuyçi qoyaduyar Aliysandari Niqulayivisi-yin yurbaduyar tayiji yeke kinaza Aliysi Aliysandaraviisi-yin Baiyial-un emüneki oblusti-yin nituy-ud-iyar jalaran gegergülegsen bayasqulang-tu çay-un uçira durasqal-un temde. Nige mingy-a nauyman jaγun dalan yurabaduyar on-a. Рукопись. Ms E 219. Инв. 1962 п* 1473. Рукописный фонд ИВР РАН (СПб).